

Галдин в повестях **«Ремонт»** и **«Работа»**, 1931) Б. обратился к автобиографической основе: к повествованиям о трудном вживании подростка, воспитанного на книжных идеалах, в реальный мир (**«Весьма возможно»**, 1933; **«Сеанс окончен»**, 1934). Тревожным напряжением веет со страниц этих повестей. Мрачным символом эпохи можно назвать сцену шествия многотысячного полчища крыс, идущих на водопой и преграждающих путь поезду (**«Сеанс окончен»**). Отныне в центре творчества Б. станут единственные хранители гуманистического идеала — люди искусства. Причем повествования о них строятся на открыто беллетристической основе, а не на строго научной (как, скажем, у Ю. Тынянова). Б. импрессионистичен. Тютчев для него — это упоенная и страстная гроза, говорящее небо; любовь, пережившая земное бытие и увековеченная в стихах (рассказ **«Вечерняя заря»**). Фет — это «июльский вечер с порывистым ветром, неожиданно холодными каплями дождя», малиновые кусты, в которых трепещет старый, больной человек (**«После дождя»**). Н. Гоголь — это мороз и ветер, кварталы Большой Мещанской, шарманка, наигрывающая вальс, и печальный звон, стоящий над городом (**«Шинель»**). Собранные вместе в сб. **«Незакатное солнце»** (1940) и **«Вечерняя заря»** (1941) рассказы Б. о писателях создали многоцветную картину русской культуры. Критики упрекали автора за слишком вольное отношение к историческим фактам, но это осталось его осознанным творческим принципом. «По сочинителю и приключение» — так сказал Б. в повести об А. Грине **«Волшебник из Гель-Гью»** (1945), где романтическая природа дарования автора раскрылась с полной свободой. Пережив трудное для писателей его склада послевоенное десятилетие (официальная критика повесть об А. Грине решительно осудила уже за избрание им такого «космополитического» героя), Б. вновь вошел в контакт с широким читателем (преимущественно юным) созданием и публикацией романов о Жюль Верне (1955), Р. Стивенсоне (1957). Настольной книгой многих подростков стал одноименник Б. **«Жюль Верн. Под флагом Катрионы. Волшебник из Гель-Гью»** (1960). Продолжил он и цикл о «служителях искусства»: повести о Н. Римском-Корсакове **«Золотой петушок»** (1960), о С. Рахманинове **«Щедрый рыцарь»** (1962), рассказы о Ф. Шляппине (1966). Свежая память и непредвзятое мышление помогли Б. в последние годы жизни написать ряд книг мемуарного харак-

тера, правдиво воссоздающих идейную борьбу эпохи сквозь призму быта, начертать выразительные портреты современников — от А. Блока до К. Вагинова, от М. Горького до С. Нельдихена. Он действительно предстал в них как остро чувствующий, но «беспристрастный очевидец».

Соч.: Избранное. Л., 1957; Жестокий воспитатель. Л., 1961; Родители, наставники, поэты...: Книга в моей жизни. М., 1967, и др. изд.; Избранные произведения: в 2 т. Л., 1968; За круглым столом прошлого: Воспоминания. Л., 1972.

Лит.: Александров А. Творческий путь Леонида Борисова // Звезда. 1939. № 1. С. 230–238; Эвентов И. Рассказы Леонида Борисова // Лит. современник. 1939. № 1. С. 230–238; Брандис Е. Леонид Борисов // Звезда. 1959. № 1. Воронова О. Живи, не уставая // Лит-ра и жизнь. 1960. 28 сент.; Филиппов Г. По солнечной стороне // Звезда. 1967. № 8. С. 206–209; Тхоржевский С. Памяти Леонида Борисова // Простор. 1973. № 2. С. 78–79.

Г. В. Филиппов

БОРИСОВА Майя Ивановна (псевдонимы Майская; М. Чернышева; М. Юрьева) [21.5.1932, Ленинград — 1.2.1996, Петербург; похоронена в пос. Репино под Петербургом] — поэт, прозаик.

Родители — служащие. Предки — из купеческого сословия. «Мой прадед,— писала Б.,— имел в Апраксином дворе мастерскую и лавку. Он появился в Питере подростком,

М. И. Борисова

с двумя младшими сестренками, убежав от холеры из Смоленской губернии... А другой прадед Григорий Иванович явился в Северную Пальмиру, снявшись с малопродуктивных вологодских земель... И стал заниматься, если можно так выразиться, конным бурлачеством: таскал по Неве груженные баржи» (**На пользу земле, амбару, отечеству. Заметки о российском купечестве** // Нева. 1988. № 1. С. 197, 202).

Б. всегда гордилась, что она в Петербурге в пятом поколении. Неслучайно Ленинград-Петербург занимает в ее стихах огромное и принципиальное место. «Неточный, памятный, крылатый, неповторимый силуэт» — эти слова вполне могли бы стать основой поэтической геральдики Б. «...Край мой дедич, край мой отчич» — так написала она в стих. **«Три печали о любимом городе»**. В рассказе **«Сундук и дерево»** она воскрешает лица дедов, прадедов, бабки, матери. О своих близких, переживших блокаду, она писала: «...они пережили блокаду достойно, мужественно, неустанно хлопоча и трудясь в чью-то пользу... Когда я слышу фразу „не отдали врагу“, то вспоминаю теток. Вот уж кто поистине не отдал врагу ничего! В числе других жителей они не отдали врагу родного города. Не отдали на растерзание голоду и холоду своего гнезда, сохранили и мебель и книги... Не продали, не обменяли, что могли бы продать и обменять, не сожгли того, что само просилось в топливо. Главное, тетки не отдали врагу самих себя: своей доброты, своего безграничного гостеприимства и хлебосольства» (**Ритуальные жесты. Повесть и рассказы**. Л., 1983. С. 180.)

В 1950 Б. окончила отделение журналистики филол. ф-та ЛГУ и по распределению уехала в Абакан, где работала лит. сотрудником и заведующей отделом культуры в редакции газ. «Советская Хакасия», а затем в газ. «Красноярский комсомол». Она много ездила, заполняя путевые блокноты записями, сведениями, мимолетными портретами, взятыми интервью и стихами.

Первое стих.— **«Начало пути»** — опубликовано в газ. «Советская Хакасия» (1955. 5 сент.) под псевдонимом М. Майская. Псевдоним не прижился — возможно, из-за своей подчеркнутой красоты, но, скорее всего, из-за рано проявившейся в Б. тяги к достоверности, в т. ч. и по отношению к самой себе. Достоверность, правдивость, точность — характерные черты дарования Б., сочетающиеся у нее с лирической углубленностью. Газетная практика, требовавшая внимательности к текущей жизни, не могла не сказаться

и в стихах Б.: при всей своей лиричности они всегда имеют под собой некую твердую жизненную основу.

Первый сборничек стихов, всего лишь 12 страниц, вышел в Красноярске и назывался **«Лирические стихи»**. Следующий, **«Вечерние окна»** (1961), заключал в себе воспоминания о школе, детстве, университетских годах, Ленинграде; наиболее интересны в нем стихи о сибирской природе, представляющие собою как бы рисунки карандашом. Некоторые стихи стали популярными, а стих. **«Дорожное»**, опубликованное в «Комсомольской правде» (1958. 8 июля), стало лейтмотивом известной в те годы повести В. Аграновского «Нам — восемнадцать...» Позже Б. писала: «Мое счастье и удача в том, что личная молодость совпала тогда с молодостью целинных совхозов, Дивногорска, с резким „омоложением“ поэзии, наконец...» Тогда, в конце 1950-х и в 1960-е, возникло целое поколение поэтов, окрыленных «оттепелью», очевидностью перемен в общественной жизни и в душах, поведении людей. Публицистическое начало, отзывчивость на тревоги и запросы дня роднит Б. с поколением Евг. Евтушенко, А. Вознесенского, А. Рождественского, но эта сторона ее поэзии быстро, от книги к книге, проникается у нее рефлектирующим началом, сродни философскому. У нее немало стихов, проникнутых медитативностью, глубокими и неторопливыми раздумьями. В 1988, накануне тех лет, что потом назовут «перестройкой», Б. пишет о том, что «трещины трогают свод, дрожью фундамент пронзен...» Сейчас это воспринимается как пророчество. Чуткость к подземным шорохам, обостренный слух на зарождение глубинных тектонических сдвигов, грозящих бедой в не столь отдаленном будущем, придавали поэзии Б. внутренний драматический, а то и трагический звук. Он не всегда улавливался современниками, поскольку сама плоть стихов Б. была очень насыщена красками, мелодиями и запахами жизни, множеством моментально схваченных лиц, характерных движений, ситуаций, бытовых поворотов и сценок, данных в плотной реалистической манере.

От ощущения катастрофы и возникает в ее лирике тревога и желание предупредить — как взмахнуть сигнальным флажком, чтобы хотя бы приостановить скольжение к обрыву.

Плотность и осязаемость мира, данного в подробностях, свидетельствовали о внимательном освоении Б. не только русской классической поэзии, но и реалистической прозы.

И действительно, она не раз выступала и как прозаик. Не говоря уже о разного рода газетных очерках и репортажах, зарисовках периода ее красноярской газетной работы, она написала в разное время немало рассказов. Лучшие из них были собраны в книге **«Ритуальные жесты»** (Л., 1983). Они очень близки ее стихам и по особой лирической «фактуре», и по острому рефлектирующему началу. В какой-то степени это и своеобразный комм. к ее стихам, к ее внутренней душевной озабоченности. Она задумывается в своих рассказах об истоках жизни — не столько онтологически, сколько прямых, связывающих человека с историей его предков. Параллельно с прозой и в теснейшей мировоззренческой и эмоциональной связи с нею она осмысляет себя более глубоко и в лирике. Ее личность насыщается токами, идущими не только из современности или грозящего бедой будущего, но и из прошлого. «Повышенная чуткость к течению исторического времени, к традициям, к народным истокам народной культуры» — эти характерные черты Б. отмечает Адольф Урбан (Урбан А. Поэмы Майи Борисовой // Борисова М. **Грибной дождь. Поэмы и диалоги.** Л., 1970. С. 8). Критик, написавший эти слова в 1970, еще не мог знать, но верно предчувствовал, что в творчестве Б. духовное начало многообразно. В последние годы жизни, возможно, под влиянием углубленного интереса к истории своего рода, движимая внутренней потребностью найти устойчивые скрепы бытия, она обращается к духовной истории своего народа, к его вере. Ее удачным и законченным опытом в этом направлении был житийный очерк о преподобном Кирилле Белозерском, а также своеобразная книга о малолетних царевичах, претерпевших трагическую судьбу (**«Птенцы под шапкой Мономаха»**, 1999).

Б. написала немало произведений для детей, заслуженно пользующихся успехом и у маленьких читателей, и у взрослых. Много сил отдала Б. и переводам. Она переводила Яна Райниса и Аспазию (с латышского), Низами (с азербайджанского), Алымкана Дегенбаева (с киргизского), Василия Ледкова (с немецкого) и мн. др.

Соч.: Лирические стихи. Красноярск, 1957; На первом перевале. Красноярск, 1958; Вечерние окна. Красноярск, 1961; Белый свет. М., 1963; Покупайте веселые сны! Красноярск, 1964; Арр-Бус и говорящая лошадь: рассказы. 1965; Избранная лирика. М., 1965; Интереснее пешком. Л., 1967, 1973; Стихи. Л., 1967; Каменный берег: Новые стихи. Л., 1967; Пегас-69: стихи. Л., 1969;

Грибной дождь: Поэмы и диалоги. Л., 1970; Восемь весенних песенок. Л., 1970; Олени ждут солнца: Четыре рассказа и одна сказка просвер. Л., 1971; Мы гуляем по Летнему саду. Л., 1972; Часозвон. Л., 1973; Пришли мы вчетвером. Л., 1974; Пока вчера еще сегодня. Л., 1975; У красавицы Невы. Л., 1976; Птица Дождь. Л., 1977; Равновесие. Л., 1977; Малая Невка. Книга лирики. Л., 1976; Разговор: стихи разных лет. Л., 1979; Ритуальные жесты: повесть // Звезда. 1980. № 3; Птенцы под шапкой Мономаха // Нева. 1998. № 4; Иди, Кирилл, на Белое озеро // Рассказы о православных святых. СПб., 1999.

Лит.: М. И. Борисова // Русские советские писатели. Поэты: библиографический указатель. М., 1981. Т. 4; Никульков А. В начале восхождения // Сибирские огни. 1960. № 2; Мотышов И. Путешествие в красоту // Москва. 1961. № 10; Красухин Г. Утверждение разумного // Москва. 1964. № 5; Киреева А. [Рец. «Белый свет»] // Юность. 1964. № 8; Соловьев Вл. Поэтический метод и познание поэта // Нева. 1967. № 7; Лурье С. Борьба за высоту // Нева. 1970. № 12; Крышук Н. Притяжение земли // Звезда. 1985. № 10; Рубашкин А. Майя — светлое имя // Звезда. 2002. № 5.

А. И. Павловский

БОРИСОГЛЕБСКИЙ Михаил Васильевич (псевдоним *Одинокий*) [22.10.1896, Тирлянский завод, Златоустовский у. Уфимской губ. (ныне Башкортостан) — 28.3(?)1942, место смерти неизвестно] — прозаик.

М. В. Борисоглебский